
А. Н. Островский

«Ошибка», повесть г-жи Тур

Нередко случается слышать нападки на равнодушие московской публики к выступающим талантам, на холодную встречу первых произведений нового и нуждающегося в сочувствии писателя; но это совсем несправедливо. Всякое сколько-нибудь замечательное произведение (не говоря уже о значительных), где бы оно ни появилось, находит в Москве теплое сочувствие. Надобно правду сказать, публика наша не многочисленна и не имеет одного общего характера; она состоит из многих небольших кружков, различных по убеждениям и эстетическому образованию; часто новое произведение возбуждает не только различные, но и совершенно противоположные мнения и толки. Впрочем, это совсем не беда; различные убеждения производят споры, движение, жизнь, а вовсе не апатию, в которой обвиняют Москву. Примером живого сочувствия московской публики может служить недавно появившийся талант г-жи Евгении Тур; найдите хоть один образованный кружок, в котором бы не говорили об этой замечательной новости в русской литературе. Первая повесть г-жи Тур «Ошибка», помещенная в № X «Современника» 1849 г., имела в Москве весьма значительный успех, который поддерживается новым, еще не конченным, ее произведением.

Нам хочется сказать по этому поводу несколько замечаний о русской литературе вообще, которая, по нашему мнению, имеет некоторую особенность: здесь говорится только о художественной литературе. Литература каждого образованного народа идет параллельно с обществом, следя за ним на различных ступенях его жизни. Каким же образом искусство следит за общественною жизнью? Нравственная жизнь общества, переходя различные формы, дает для искусства те или другие типы, те или другие задачи. Эти типы и задачи, с одной стороны, побуждают писателя к творчеству, затрагивают его; с другой, дают ему готовые, выработанные формы. Писатель или узаконивает оригинальность какого-нибудь типа, как высшее выражение современной жизни, или, прикидывая его к идеалу общечеловеческому, находит определение его слишком узким, и тогда тип является комическим. Древность чаяла видеть человека в Ахилле и Одиссее и удовлетворялась этими типами, видя в них полное и изящное соединение тех определений, которые тогда выработались для человека и больше которых древний мир не успел еще заметить ничего в человеке; с другой стороны, легкая и изящная жизнь афинская, прикидывая Сократа на свой аршин, находила его лицом комическим. Средневековой герой был рыцарь, и искусство того времени успело изящно соединить в представлении человека христианские добродетели с зверским ожесточением против ближнего. Средневековой герой идет с мечом в руках водворять кроткие евангельские истины: для него праздник не полон, если среди божественных гимнов не раздаются из пылающих костров вопли невинных жертв фанатизма. При другом воззрении

тот же герой сражается с баранами и мельницами. В новом мире то же самое. Так бывает во всех литературах, с тою только разницею, что в иностранных литературах (как нам кажется) произведения, узаконивающие оригинальность типа, то есть личность, стоят всегда на первом плане, а карающие личность — на втором плане и часто в тени; а у нас в России наоборот. Отличительная черта русского народа, отвращение от всего резко определившегося, от всего специального, личного, эгоистически отторгнувшегося от общечеловеческого, кладет и на художество особенный характер; назовем его характером обличительным. Чем произведение изящнее, чем оно народнее, тем больше в нем этого обличительного элемента. История русской литературы имеет две ветви, которые наконец слились: одна ветвь прививная и есть отпрыск иностранного, но хорошо укоренившегося семени; она идет от Ломоносова через Сумарокова, Карамзина, Батюшкова, Жуковского и проч. до Пушкина, где начинает сходить с другою; другая — от Кантемира через комедии того же Сумарокова, Фонвизина, Капниста, Грибоедова до Гоголя; в нем совершенно слились обе; дуализм кончился. С одной стороны: похвальные оды, французские трагедии, подражания древним, чувствительность конца 18-го столетия, немецкий романтизм, неистовая юная словесность; а с другой: сатиры, комедии, комедии, и комедии, и «Мертвые души». Россия как будто в одно и то же время в лице лучших своих писателей проживала период за периодом жизнь иностранных литератур и воспитывала свою до общечеловеческого значения. Пусть не подумают, что мы, признав нравственный, обличительный характер за русской литературой, считаем произведения, наполненные сентенциями и нравственными изречениями, за изящные; совсем нет: такие произведения у нас уважаются гораздо меньше, чем у других народов, и сами являются предметом насмешки и глумления. Хотя недовольство каким-нибудь условным определением жизни выражается в сентенциях, в отвлеченных нравственных положениях, но публика ждет от искусства облечения в живую, изящную форму своего суда над жизнью, ждет соединения в полные образы подмеченных у века современных пороков и недостатков, которые являются ей сухими и отвлеченными. И художество дает публике такие образы и этим самым поддерживает в ней отвращение от всего резко определившегося, не позволяет ей воротиться к старым, уже осужденным формам, а заставляет искать лучших, одним словом, заставляет быть нравственнее. Это обличительное направление нашей литературы можно назвать нравственно-общественным направлением.

Произведения женщин-писательниц, нося, почти без исключения, тот же общественный характер, отличаются от произведений мужского пера тем, что, уступая им часто в художественности, они превосходят богатством мелких подробностей, неуловимых психологических оттенков, особою энергиею и полнотою чувства, весьма часто негодующего. Им недостает спокойного творчества, холодного юмора, определенности и оконченности образов; зато в них более затрогивающего, обличительного, драматического. Иначе и быть не может: женщина прикасается к свету более чувствительной стороною, чем мужчина. Женщина, прежде чем стала писательницею, по большей части или была жертвой обычного пустословия, или, проживши лучшую половину жизни, увидала, что все благороднейшие душевные движения пошли даром, самопожертвование не оценено, любовь или обманута, или не нашла в пустоте света достойной взаимности. Часто и так бывает, что женщина долго, долго тратит свою прекрасную душу на идеал, созданный ее же юным, неопытным воображением; мало-помалу туман расходится, мечты улетают одна за другой, и действительность является или в лице весьма пошло актерствующего, или, чаще, в лице самого обыкновенного светского молодого человека; позднее раскаяние наполняет сердце женщины, безвыходное негодование на себя, на свою даром растрченную душу и молодость; в душу женщины западает горе, которого поправить нельзя;

являются слезы бесплодного сожаления об утрате непосредственных, свежих чувств, не испорченных еще думой и сомнением, которые теперь, пользуясь опытностью, могла бы она употребить достойно. Какое же тут спокойное творчество?

Обратимся теперь к произведениям г-жи Тур. Здесь мы разберем только «Ошибка», а о «Племяннице» поговорим по окончании романа. Повесть г-жи Тур интересна для нас уже тем, что место действия — Москва, а сюжет взят из высшего общества; всем известно, что хороших повестей такого рода у нас очень мало. Посмотрим теперь, какие образы вынесла писательница из светской жизни. Интрига чрезвычайно проста, что сильно говорит в пользу повести. Молодой светский человек Славин, богатый, красивый, хорошо воспитанный, любит девушку из небогатого семейства, носящего мещанскую фамилию Федоровых. Мать Славина не соглашается на брак своего сына с Федоровой, наконец, по прошествии многих лет, уступает просьбам сына, с тем условием, чтобы он провел еще одну зиму в обществе. В эту зиму он влюбляется в княжну Горскину, постепенно охладевает к своей Ольге, мучится угрызениями совести. Ольга, поздно увидав это, сама ему отказывает; Славин женится на Горскиной. Интрига проста, но развитие ее ведено чрезвычайно искусно и стоит того, чтобы разобрать его подробнее.

Начнем с героя. Вот как автор описывает воспитание, полученное им от своей матери.

Он двенадцати лет был умный, ловкий мальчик, говорил и писал отлично по-русски, по-французски и по-английски, ездил хорошо верхом, отлично танцевал на детских балах, где имел уже значительные успехи, и прогуливался по бульвару об руку с матерью, ведя ее необыкновенно легко и развязно, и обращался с нею с таким уважением и вежливостью, что в нем заранее можно было угадать будущего безукоризненного джентльмена. Правила чести и благородства, как их понимают вообще и часто так односторонне, были внушены ему с детства. Он знал, что за обидное слово стреляются на расстоянии шести шагов, что, давши честное слово, должно сдержать его; он знал, что он богат и что богатство есть долг, который требует выполнения, то есть что он обязан по этому случаю иметь дом и принимать в нем прилично своих знакомых и родственников, давать им обеды, жить открыто и проживать свои доходы, как прилично порядочному человеку; что имя Славиных — имя старинное, что все они служили истари и все выслуживались; что он родился, чтобы продолжить имя предков и передать своим детям и имя и состояние в том виде, как получил их: имя безукоризненным, а состояние — не уменьшенным, и что в свой черед должен достигнуть и почестей и чинов и, во что бы то ни стало, занять в свете видное место наряду с другими. Он заучил твердо все это и многое другое в этом роде, чего уж я и не припомню. Но все человеческие чувства развиты в нем не были и быть не могли. Часто мать говорила ему о чинах и честолубии, никогда о истинной любви к родине; часто о Боге и религии, никогда о сущности ее; ему читали Евангелие, но никогда не обратили его внимания на Божественное учение его, где любовь к ближним и пожертвование собой для других есть главное основание всего, где даже и любовь к Богу проявляется любовью к ближнему. Он, конечно, знал наизусть всю земную жизнь Спасителя, но не имел ни малейшего понятия о глубине любви и премудрости, которыми преисполнено Его учение. Ему иногда приказывали подавать грош какому-нибудь нищему, проходившему случайно по улице мимо их дома, и тут же покупали ему игрушек на пятьдесят или сто рублей, не замечая ему, что этой суммы достаточно на прокормление целого семейства в продолжение двух месяцев. Он знал только, что он родился, чтобы жить хорошо, легко и роскошно; ему не говорили, как другим жить тяжело, трудно и горько; в нем не пробуждали сочувствия к массам, не ставили его мысленно, хотя на одну минуту, на место того бедняка, который униженно склонял свою седую голову перед его курчавой детской головкой, прося подаяния на хлеб насущный. Часто объясняли ему родство, упоминали о связях и светской дружбе, никогда не говорили о связях, основанных на истинном чувстве, о дружбе как о самопожертвовании. Во всем этом его незаметно направляли к одной цели: любить одного себя, делать все для собственного значения и благосостояния, не оскорбляя, однако же, строгой морали, и идти общей дорогой, не задевая никого без крайней нужды, но выбирая себе выгодное место и отстраняя искусно других, если бы они ему мешали. Любить его не научили, или, лучше, не пробудили ни словом, ни делом эту глубоко затаенную в нем способность. Чтение книг было строго избрано; но ему дали Плутарха, и этот писатель пробудил в нем порывы чувств, от которых его так заботливо спасали.

К счастью, в это время попались ему под руку некоторые произведения романтиков и преимущественно Шиллера, которые пробудили в душе неиспытанные чувства любви к человечеству. Следствием такого воспитания и рождающихся потребностей была раздвоенность души его, одна сторона которой принадлежала Ольге, а другая свету. В Ольге он находил ответ на пробуждающиеся в душе своей благородные стремления, которые были чужды всем окружающим его; зато свет был настоящим его сферою, он там родился и вырос, он не мог подняться над ним для критической оценки и противопоставить его Ольге. Сверх всего этого, мать Славина предусмотрительным оком следила за ним. Умная и совершенно светская женщина, она была непримиримым врагом всех мыслей и поступков, выходящих из общей колеи, и естественно, что она желала, чтобы сын совершенно походил на нее и не скомпрометировал себя юношеским увлечением.

Она любила сына со всей нежностью, к которой была способна; но привязанность ее к нему была весьма странна; она любила его потому, что он был ее сын, некоторым образом ее собственность, продолжение ее собственной личности, которую и развивала она в этом смысле. Нежность ее к нему еще более возрастала, когда другие хвалили его, как будто и любовь ее обойтись не могла без мнения других. Она понимала жизнь как исполнение известных обязанностей, вмененных в весьма тесный и ограниченный круг, назначенный каждому его рождением.

Она скоро заметила короткое сближение сына своего с Ольгой и отправила его в Петербург на службу и в продолжение шести лет под разными предлогами не давала ему согласия на брак с Ольгой. Эти препятствия еще больше развивали раздвоенность души Славина; он то щеголял своими эполетами в обществе и волочил-ся за светскими женщинами, то мечтал об Ольге и торопился в Москву провести короткое время отпуска в ее мирном семействе. Наконец Славин получил от матери согласие на брак с Ольгой с условием, чтобы свадьба была летом и чтобы он не оставлял света зимою. Письмо, в котором мать изъявляет свое согласие, — самое лучшее место во всей повести. Это письмо лучше всяких описаний рисует вам светскую женщину и ее взгляд на жизнь. Вот несколько отрывков из него.

Милый друг Александр! Долго не отвечала я тебе, потому что письмо твое хотя и не удивило меня, но, конечно, опечалило. Я знаю, что все, что я тебе стану говорить, будет совершенно бесполезно. Старых людей мало слушают, особенно когда дело идет о любовном капризе. Я вижу тебя отсюда, и как ты наморщил брови, прочитав слово: «каприз»; а все-таки не могу переменить его и остаюсь при моем мнении. Ты можешь делать, что тебе угодно: ты уже не мальчик; следовательно, если ты не остепенился теперь, то, вероятно, надежды на это впереди очень мало. «Всякой волен делать из жизни своей, что он хочет», — пишешь ты мне; я в этом с тобою вовсе не согласна, и долг матери заставляет меня, уступая твоему желанию, показать тебе всю твою опрометчивость. Ты также говоришь мне в своем письме, что вот уже восемь лет, как ты страстно любишь Ольгу Николаевну, и решился наконец жениться на ней, несмотря ни на какие препятствия, в заключение чего ты просишь моего благословения — для формы разве? Пожалуй, хоть и так, и за то спасибо. Тебе двадцать восемь лет, ты, стало быть, совершеннолетний, состояние твое устроено; ты имеешь две тысячи незаложенных душ, которые тебе остались от отца, следственно, от меня уже никак не зависишь. Конечно, мать, которая ходила за тобою в детстве, провела большую часть второй молодости, запершись в деревне, чтобы упрочить будущее твое состояние, не вышла опять замуж, чтобы не разделить ни с кем другим привязанность, обращенную на одного тебя, заслужила, может быть, больше, чем эту сухую фразу о благословении. Но довольно об этом. Делай, что хочешь, только позволь мне в такую важную эпоху твоей жизни высказать тебе мое мнение вполне и заметить тебе, как ты простодушно искажаешь прошедшее, чтобы прикрасить настоящее. Ты говоришь, что любишь ее восемь лет. Где же любовь эта? В чем она выказалась? И когда же ты любил ее? Ты знал ее с детства, вы одних лет, что, мимоходом сказать, составляет большое неудобство для супружеской жизни. Осьмнадцати лет вы вздумали в одно прекрасное утро или вечер полюбить друг друга; разумеется, из этого вышло то, что Елисавета Ивановна, пользуясь дальним родством, которое существовало между нами, пожелала пристроить дочь и отдать ее поскорее за богатого

мальчика, который притом имел значительное имя, если не знатное, то по крайней мере не то мещанское имя Федоровой, которое она приняла вместе с замужеством, наделавшим в мою пору столько шума. Действительно, чтобы княгине Горскиной выйти за Федорова, надо было иметь голову навыворот. Но это дело прошлое, и я о нем говорить больше не стану, а ты сам знаешь все это. Проживши так долго в бедности и скуке, с двумя дочерьми, которых едва могла воспитать, она должна была без меры обрадоваться твоей нелепой любви; но она сочинила свои планы, забывши про меня. Тебя дядя увез в Петербург, где ты вступил в юнкера, потом ты вышел в Кавалергардский полк, и если ты служил восемь лет, веселясь всегда и кое-когда имея значительные успехи в свете, то мне, несмотря на все мое желание, трудно найти в этой жизни тяжкие следы неутешной страсти. Тогда ли она томила тебя, когда ты публично содержал актрису m-lle Desirée, которая, мимоходом сказать, стоила тебе столько денег, или тогда, когда ты был отъявленным поклонником, а впоследствии чем-нибудь больше, у хорошенькой, как говорят по крайней мере, графини Верде. Правда, и ты видишь, как я беспристрастно сужу тебя, ты бывал нередко ремонтёром, и тогда, проводя ползими в Москве, возвращался с удовольствием, для меня не очень понятным, из раззолоченных гостиных Петербурга в маленькой домик Федоровых, где так трогательно разыгрывал роль верного аркадского пастушка или героя из романа Августа Лафонтена и проводил все свободное время в кругу этого простого, милого, доброго семейства. Я повторяю твои выражения. Неужели ты думаешь, что в продолжение всего этого времени твоя любезная не желала и не пыталась пристроиться? Я не отнимаю у ней любви ее к тебе; может быть, она любила тебя и любит еще; но ты подумай, что в доме она нелюбимая дочь, что мать беспрестанно упрекает ее, что она не замужем, что ты ее забудешь и когда-нибудь покинешь, что, ко всему этому, у них денег нет ни гроша и они едва сводят концы с концами, и при таких условиях ты хочешь видеть в ней неизменную верность к тебе и не допускать в ней ни малейшего желания выйти замуж за другого. Полно, друг мой! Мне жаль тебя, что ты, в твои годы, веришь еще всем нелепостям, которые рассказываются маменьками и старшими сестрами. Впрочем, я буду справедлива и скажу тебе, что знаю, что Ольга Николаевна девушка добрая и кроткая, но вот и все: красоты она необыкновенной не имеет, воспитание ее не блестящее; что она не очень счастлива, и то правда; но из этого не следует, чтобы ты был счастлив с нею. Она никогда не будет уметь занять положение в свете, поддержать с достоинством твои связи и имя, сделать из твоей гостиной одну из значительных гостиных города, никогда не будет уметь и не может блеснуть в свете умом, красотою и приятностию светского обращения; а ты, что ни говори, я тебя знаю, ты самолюбив больше, чем нежен; ты честолюбив: доказательство тому, что, несмотря на любовь свою к ней, нейдешь в отставку, а продолжаешь служить; ты в восторге от ее простоты, а любишь роскошь и тратишь на одного себя более тридцати тысяч в год; ты сочувствуешь ее гордому презрению к свету и его мелочам, а сам суетен, ценишь свет и никогда нейдешь против общего мнения и принятых обычаев, что, впрочем, весьма благоразумно и естественно. Ты горд — и не вынесешь хладнокровно, когда увидишь, что твоя жена, по-видимому, хуже других и не может войти в борьбу с светскими женщинами; а ты без света жить не можешь и только на словах пренебрегаешь им, так, по какой-то привычке, взятой тобою в молодости, неизвестно как и почему; в доказательство скажу тебе, что ты хотя и влюблен, а всякую ночь ты на бале, где, вероятно, не вздыхаешь и не грустишь, а просто любезничаешь и веселишься. Все это бред. Поверь мне, что женщина, которая прожила двадцать семь или восемь лет в мещанском быту, которая не красавица, не имеет аристократических привычек и никакого понятия о светских условиях и ко всему этому застенчива и не обладает даже тайною одеваться с искусством, не может иметь никакого успеха в обществе. Успех в нем есть уменье и расчет; его можно достигнуть без красоты, без большого ума, но надо уметь достигнуть его: все заключается в уменье. Откуда она возьмет его? Притом она Федорова, и свет примет ее в заветный круг свой потому только, что она жена твоя. Сначала ей надо будет только стараться поддержать себя в нем на должной ноге. Смотри, сколько причин для полного ничтожества в обществе, и ни одной для успеха. Я нисколько не противлюсь: женись, если хочешь этого во что бы то ни стало; но поверь мне, избегай ран раздраженного самолюбия: живи смиренно и тихо, отклонись от прежней шумной жизни в кругу товарищей и модных женщин и не мечтай напрасно о бесконечных восторгах и несбыточных надеждах на какую-то пышную и поэтическую жизнь вдвоем, соединенную со всей суетой тщеславия, когда тебе вздумается ввести жену твою в гостиные, о которых она и понятия не имеет. Поздно ей в двадцать восемь лет привыкать ко всем тонкостям, глубоким соображениям и маленьким расчетам, благодаря которым занимается в них видное и почетное место. Конечно, ты будешь счастлив с Ольгой Николаевной один, два года, пожалуй, будешь бродить с ней летом в лесах, восхищаться природой, читать с восторгом германских поэтов и новых французских преобразователей (ты и на эту глупость, пожалуй, способен); но все это надоеет тебе скоро. А после что будет? Ты опять попадешь в общую колею, которая всегда была твоя существенная колея, а она останется навек в своей, не имея возможности из нее выйти, хотя бы того и желала.

В этом письме вся сущность драмы, в нем видна запутанность положения Славина и безвыходность положения Ольги, оно же предсказывает и развязку. Зимой Славин влюбляется в княжну Горскину, но любит еще и Ольгу; он в затруднительном положении; он видит достоинства и той и другой, но в душе его нет настоящего мерил для женщины; он знает только светскую жизнь и только там умеет сортировать женщин. Этим пользуется княжна и приглашает к себе Ольгу на бал. На балу, разумеется, Ольга не может выдержать соперничества с княжной; Ольге на балу и скучно, и неловко, а княжна на балу как дома, это ее настоящая сфера.

С этого бала Ольга потеряла все в глазах Славина, он не мог простить ей неловкости в свете. Поздно увидела Ольга, что ошиблась, и эта ошибка стоила ей всей жизни.

Впечатление, производимое этой повестью, портится часто встречающимися длинными описаниями характеров и убеждений действующих лиц, а иногда и образа жизни того или другого сословия; видно, что автор не привык еще пользоваться своими средствами, которыми он наделен так богато. Результаты глубокой наблюдательности и правдивая оценка того или другого быта, при всей своей истине и значительности, если являются в художественном произведении в виде описаний и сухих рассуждений, вредят целостности впечатления. Все, что вы говорите, прекрасно и по убеждениям, и по чувствам, которыми они вызваны, и все это истинная правда; да художеству нужны образы и сцены, и одни только они всеильны и над воображением, и над волей человека. Вот единственный недостаток этого замечательного произведения. Говорят, что прошло время чистого искусства, что теперь время творчества мыслящего; но мы этому поверим только тогда, когда увидим такие произведения, в которых эта так называемая рефлексия не путает изящества и не ослабляет впечатления, им производимого. До сих пор мы видим только попытки такого рода, наполненные *высокими взглядами и глубокими идеями*, но лишенные художественности.

Вообще вся повесть написана живо и чистым русским языком; некоторые места превосходны, как, например, встреча Нового года и бал у Горскиной. Характеры большею частию мастерски нарисованы и верны действительности; особенно удались автору, по нашему мнению, мать Славина и княжна Горскина. В заключение поздравим публику с новым самобытным талантом и пожелаем г-же Тур всевозможных успехов на широком поле русской литературы, на которое она выступает с таким прочным дарованием и с таким прекрасным направлением.

А. Н. Островский
«Ошибка», повесть г-жи Тур

Впервые: М. 1850. № 7. Отд. IV. С. 89–99. Подпись: А. О., в «Систематическом оглавлении “Москвитянина” за 1850 год» (М. 1851. № 1. С. VII): «А. Н. О-го: Ошибка, повесть Е. Тур». Цензурное разрешение — 31.03.1850. Цензор В. Н. Лешков.

Переизд.: *Островский*. Т. 10; *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1952. Т. 13; *Островский А. Н.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 10.

А. Н. Островский выступал в качестве литературного критика лишь в самом начале своей литературной деятельности. Статьи Островского в «Москвитянине» были атрибутированы драматургу достаточно поздно (см.: *Кашин; Лакшин В. Я.* О некоторых ошибках в изучении А. Н. Островского // *Вопросы литературы*. 1958. № 6). Тем не менее его роль в литературной полемике была едва ли не ключевой. Первые его две статьи, воспроизводимые в настоящем издании, были достаточно значимы для эстетической позиции «Москвитянина», однако еще более значима оказалась его литературная деятельность. В первой половине 1850-х гг. автор комедии «Свои люди — сочтемся!» казался большинству современников едва ли не наиболее перспективным молодым литератором. В силу цензурного запрета его первая пьеса обсуждалась в прессе лишь в очень ограниченной степени. Личное недовольство императора молодым драматургом не позволило его пьесам увидеть сцену, а потому до 1853 г. Островский воспринимался современниками в сугубо литературном контексте. Имя Островского было крепко связано с «молодой редакцией». Само участие драматурга в «Москвитянине» многое проясняло в его литературной позиции. В результате споры о новых пьесах Островского и полемика, направленная против видевшей в них, по выражению Ап. Григорьева, «новое слово» «молодой редакции», в критике этого периода неразделимо слиты и не могут восприниматься в отрыве друг от друга. Именно эти споры были самым ярким и динамичным эпизодом литературно-критической жизни того времени. Островский был в очень напряженных отношениях с Погодиным, однако участвовал в «Москвитянине» до самого распада «молодой редакции», что явно свидетельствует о том, что его близость к «молодой редакции» не прекратилась после того, как Островский отказался от роли литературного критика и перестал открыто поддерживать идеи других сотрудников журнала.

Рецензия А. Н. Островского на повесть Е. Тур «Ошибка» — первое критическое произведение драматурга (если не считать ранней неопубл. критической заметки о романе Ч. Диккенса «Домби и сын»). В первой части статьи автор предлагает краткую классификацию возможных стратегий литератора, который «или узаконивает оригинальность какого-нибудь типа как высшее выражение современной жизни, или, прикидывая его к идеалу общечеловеческому, находит определение его слишком узким, и тогда тип является комическим» (наст. изд., с. 37). Здесь же предлагается взгляд на историю русской литературы, согласно которому она состояла из двух параллельных ветвей: «прививной» и оригинальной, комической. Обе ветви слились в Гоголе, «дуализм кончился». В целом, эта классификация восходит к статьям Белинского 1840-х гг. (см. ниже). Наиболее оригинальная и в то же время интересная часть статьи посвящена характеристике русской литературы. Отличительной чертой ее, по Островскому, является «нравственно-общественное направление», которое происходит от свойственного русскому народу «отвращения от всего резко определенного, от всего специального, личного, эгоистически отторгнувшегося от общечеловеческого» (с. 38). Эта теория лежит в русле взглядов Григорьева и др. членов «молодой редакции» на диалектику «положительного» (утверждающего личность) и «отрицательного» (противостоящего ее притязаниям) начал в русской культуре.

Заявив о том, что будет говорить только о литературе, Островский в середине статьи вынужден затронуть вопрос о связи литературы и общества: в своем творчестве каждый писатель может либо узаконивать «оригинальность» какого-либо общественного «типа», либо, соотнеся его с идеалом, предать осмеянию («комический тип»). Дальше в понятийном языке Островского происходит любопытная подмена. Вместо словосочетания «оригинальный тип» он начинает использовать как его синоним понятие «личность». Это переключает разговор в плоскость идеологии, поскольку слово «личность» влечет за собой цепь ассоциаций с полемикой между «Современником» и «Москвитянином» в 1847 г. о проблеме общинного быта и личного начала в русской истории.

В характеристике творчества Е. Тур можно обнаружить подступы к концепции «искренного таланта», раскрытой в следующей критической работе Островского — рецензии на «Тюфяк» Писемского.

Объясняя решение Островского рецензировать «Ошибку», С. Н. Кайдаш-Лакшина указала на сходство коллизии повести (несостоявшийся неравный брак между аристократом и девушкой из незнатной фамилии) с обстоятельствами отношений самого рецензента с первой женой Агафьей Ивановной (*Кайдаш-Лакшина С. Н. Почему Островский написал рецензию на повесть Евг. Тур «Ошибка»*: (Н. И. Надеждин и Евг. Тур, А. Н. Островский и Агафья Ивановна) // А. Н. Островский: Материалы и исследования: Сб. науч. трудов. Шуя, 2010. Вып. 3. С. 31–42). Не следует, однако, недооценивать и литературного значения самой «Ошибки» как достаточного повода к написанию рецензии. Так, редакция «Современника» в начале 1851 г. обосновывала публикацию первой части романа Е. Тур «Племянница» именно необычайным успехом «Ошибки». В резко отрицательной рецензии «Северной пчелы» именно обоснование такого выдвижения повести было поставлено под сомнение (1850. 8 мая. № 101).

С. 37. ...поддерживается новым, еще не конченным, ее произведением. — Речь идет, по всей видимости, о романе «Племянница», первая часть которого была опублик. в №№ 1–4 «Современника» за 1850 г.

С. 37. ...здесь говорится только о художественной литературе. — Для критики начала 1850-х гг. все еще характерна оговорка. Необходимость специального выделения изящной словесности связана с тем, что слово «литература» обозначало всю печатную продукцию, художественного и не художественного типов. Кроме того, в оговорке Островского угадывается и полемическая направленность против известной апологии беллетристики у Белинского, который противопоставлял ей «художественную литературу» именно по принципу художественности (предисловие к «Физиологии Петербурга»: *Белинский*. Т. 7. С. 127–131).

С. 38. Отличительная черта русского народа ~ тем больше в нем этого обличительного элемента. — В этом пассаже Островский экстраполирует итоги полемики К. Д. Кавелина и Ю. Ф. Самарина о родовом быте славян в литературную плоскость. В статье «Взгляд на юридический быт Древней России» (С. 1847. № 1) Кавелин в западническом духе рассматривал подавление личности родовым бытом и медленное ее становление лишь после реформ Петра: «В древней России не было юридического быта; личность в гражданской сфере сама по себе ничего не значила»; «У нас не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; с XVIII века оно стало действовать и развиваться» (*Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры*. М., 1989. С. 56, 66). Споривший с ним славянофил Самарин, напротив, видел в родовом быту и общине проявление высшей формы «земского и церковного единства». Родовой быт, утверждает в статье «О мнениях „Современника“ исторических и литературных», «основан не на личности и не может быть на ней основан; но он предполагает высший акт личной свободы и сознания — самоотречение» (*Самарин Ю. Ф. Собр. соч.*: В 5 т. СПб., 2013. Т. 1. С. 105; впервые: М. 1847. № 2). Как видно, Островский осторожно солидаризируется скорее с мнением Самарина, но при этом апеллирует к понятию «обличительного», взятого из лексикона западника Белинского (см. наст. изд., с. 563). Тезис о тождественности художественности и народности также восходит к идеям Белинского из первой «Статьи о народной поэзии» (1841): «...если произведение художественно, то само собою оно и национально...» (*Белинский*. Т. 4. С. 151). В других, но родственных терминах будет впоследствии характеризовать русскую литературу Е. Н. Эдельсон: «Направление нашей литературы по преимуществу сатирическое, такое направление показывает несомненно только одно — невозможность полного и ясного олицетворения идеала» (наст. изд., с. 72). Однако под «сатирическим направлением» Эдельсон понимает, в первую очередь, «натуральную школу» — явление, к которому «молодая редакция» относится строго критически. Очевидно, что в рассуждения об «обличительном характере» русской литературы Островский вкладывает иной смысл.

С. 38. ...одна ветвь прививная и есть отпрыск иностранного ~ до Гоголя... — Генеалогия «прививной» и «сатирической» ветвей русской литературы у Островского восходит к Белинскому. См., например, характеристику «сатирической» литературы в статье «Мысли и заметки о русской литературе» (1846): «Она <русская литература> началась сатирою, и в лице Кантемира объявила нещадную войну невежеству, предрассудкам, сутяжничеству, ябеде, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которые она застала в старом обществе не как пороки, но как правила жизни, как моральные убеждения. Каков бы ни был талант Сумарокова, но его сатирические нападки на “крапивное семя” всегда будут заслуживать почетного упоминования от историка русской литературы. Комедии Фонвизина были еще более заслугою перед обществом, нежели перед литературою. Отчасти то же можно сказать и об “Ябеде” Капниста» (*Белинский*. Т. 8. С. 38). И далее: «Еще

недавно была она <русская литература> робким, хотя и даровитым учеником, который поставлял себе на славу копировать европейские образцы, который за картины русской жизни выдавал копии с картин европейской жизни. И это составляет характер целой эпохи литературы нашей от Кантемира и Ломоносова до Пушкина» (Там же. С. 438). Ср. также аналогичные рассуждения в первой статье Белинского из цикла «Сочинения Александра Пушкина».

С. 38. ...неистовая юная словесность... — Контаминация понятий «неистовая словесность» и «юная Франция», означающее романтическое художественное течение, ниспровергавшее классицистические догмы. В России против «неистовой словесности» особенно ярко выступили издания Сенковского и Булгарина: см., например, известный фельетон Сенковского «Брамбеус и юная словесность» (1834).

С. 38. Произведения женщин-писательниц ~ весьма часто негодующего. — В критике «Москвитянина» была предпринята попытка определить специфическую природу «женского» таланта, но в законченную концепцию эти попытки не вылились. Так, А. А. Григорьев в обзоре русской литературы 1851 г. определил ту же Е. Тур как «мыслящую и живо чувствующую женскую натуру. <...> Лучшее качество этого таланта — способность мыслить и чувствовать, притом мыслить и чувствовать по-женски» (наст. изд., с. 206). «Женская» природа творчества Тур была очевидна не всем: анонимный фельетонист «Северной пчелы» полагал, что «это мужчина, назвавшийся в шутку дамой. Слог, манера, картины, взгляды на предметы вовсе не дамские» (СевПчел. 1850. № 243. 28 окт.). Интересно, что псевдоним Е. В. Салиас-де-Турнемир имел и «мужской вариант» — Евгений Тур.

С. 38. ...проживши лучшую половину жизни ~ не нашла в пустоте света достойной взаимности. — Островский мог знать о близких к изложенным в повести биографических обстоятельствах самой Е. В. Салиас-де-Турнемир: в юности из-за социального неравенства не состоялся ее брак с Н. И. Надеждиным. См.: Кайдаш-Лакшина С. Н. Почему Островский написал рецензию на повесть Евг. Тур «Ошибка» (Н. И. Надеждин и Евг. Тур, А. Н. Островский и Агафья Ивановна) // А. Н. Островский: Материалы и исследования. Вып. 3. С. 31–42; Велижев М. Б. «Affaire du télescope»: похищение возлюбленной // Статьи на случай: Сборник в честь 50-летия Р. Г. Лейбова [электронное издание] (http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Velizhev.pdf; доступ: 22.07.2015).

С. 39. ...о «Племяннице» поговорим по окончании романа. — Наиболее полный разбор романа Е. Тур см. в статье А. А. Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд.). В комментариях к этой статье см. обзор откликов критики «Москвитянина» на отдельные части произведения, а также характеристику отношения «молодой редакции» к творчеству Е. Тур в целом.

С. 39. ...хороших повестей такого рода у нас очень мало. — Мастером светской повести считался И. И. Панаев. В целом для критики «Москвитянина» характерно резкое неприятие светского элемента в литературе. Так, многочисленным и беспощадным насмешкам впоследствии был подвергнут роман того же Панаева «Львы в провинции» (см. наст. изд., с. 713).

С. 39. Интрига чрезвычайно проста, что сильно говорит в пользу повести. — Требование сюжетной простоты — характерная особенность критической системы «молодой редакции». Ср., например, с более или менее синхронной позицией А. В. Дружинина: «По моему мнению, девизом каждого поэта и беллетриста должны быть слова: “простота подробностей, замысловатость замысла”. Внешний или фактический интерес каждого произведения предохраняет его от забывания, также как соль мешает порче съестных припасов» (наст. изд., с. 54). В характеристике таланта Е. Тур Е. Н. Эдельсон впоследствии так же, как и Островский, подчеркивал простоту изложения: «В самом изложении нет ни претензии на остроумие, ни сатирических замечок, ни особенной игривой легкости, одним словом, ничего такого, что изобретено писателями для прикрытия пустоты содержания. — Он прост до того, что иногда это кажется нам будто недостатком» (наст. изд., с. 69).

С. 40. Вот несколько отрывков из него. — Островский приводит не несколько отрывков, а практически все письмо.

С. 42. Поздно увидела Ольга, что ошиблась, и эта ошибка стоила ей всей жизни. — Текст повести дает основание думать, что «ошибкой» названо как раз увлечение Славина Ольгой. В ключевом для повести эпизоде откровенного объяснения с Левиным — другом Славина и женихом сестры Ольги — Славин несколько раз называет свое увлечение Ольгой ошибочным, на что Левин возражает: «Ты говоришь, что ошибся в Олинке; увидим мы, где будет настоящая ошибка!» (С. 1849. № 10. Отд. I. С. 263).

С. 42. Результаты глубокой наблюдательности ~ вредят целости впечатления. — Отсутствие указанных здесь недостатков — важная черта «искренного» таланта, у которого «художественная способность» не ослаблена «рассуждениями и сомнениями, ни вмешательством личности и чисто личных ощущений». Эта идея будет развита в следующей рецензии Островского — на повесть «Тюфяк» Писемского (наст. изд., с. 81). На длинноты в «Ошибке» указал также и анонимный рецензент «Северной пчелы»: «В повести почти на каждом шагу представляются недостатки

и несовершенства первого опыта: <...> страсть к рассуждениям, большею частью обветшалым, вялый, монотонный рассказ, растянутасть, длинноты и неизбежное следствие всего этого — отсутствие движения и быстроты в действии» (СевПчел. 1850. № 101. 8 мая).

С. 42. ...в которых эта так называемая рефлексия ~ лишены художественности. — За отсутствие рефлексии, понимаемой как субъективные мысли и переживания автора в тексте, Островский будет впоследствии хвалить повесть А. Ф. Писемского «Тюфяк»: «В этом произведении вы не увидите ни любимых автором идеалов, не увидите его личных воззрений на жизнь, не увидите его привычек и капризов, о которых другие считают долгом довести до сведения публики. Все это только путает художественность, и хорошо только тогда, когда личность автора так высока, что сама становится художественною» (наст. изд., с. 81).

С. 42. ...особенно удалась автору ~ мать Славина и княжна Горскина. — Из персонажей повести Островским выделены менее всего рефлексиирующие герои.